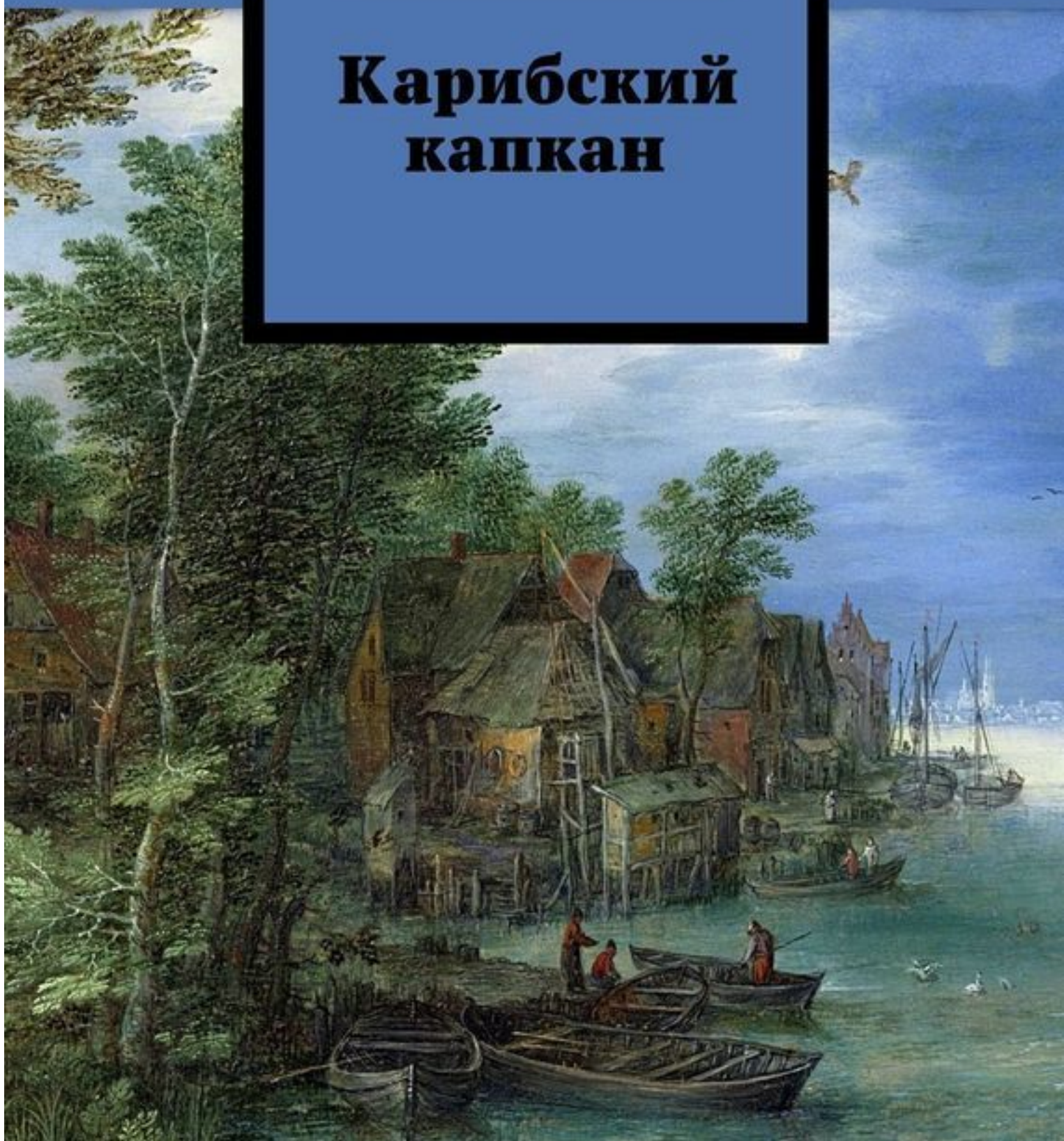

Давид Павельев

Карибский капкан

Давид Павельев

Карибский капкан

«Издательские решения»

2015

Павельев Д.

Карибский капкан / Д. Павельев — «Издательские решения»,
2015

Правительство маленькой страны на берегу Карибского моря ведёт неравную борьбу с международной наркомафией. Преступники пойдут на всё, чтобы посадить всё население на иглу. Их действия всякий раз опережают полицию. Очевидно, что щупальца спрута проникли и в руководство страны. Ветеран КГБ Кондрат Харитонов, в прошлом агент особого назначения, а ныне никому не нужный пенсионер, решает помочь своим старым друзьям доказать торжество справедливости и победить непредсказуемого противника.

© Павельев Д., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Карибский капкан

Давид Павельев

© Давид Павельев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

Глава 1

Антонио Гарсия пристально всматривался в лица людей, спускающихся по трапу самолёта. Казалось, они так похожи друг на друга: измождённые долгим перелётом, с бронзовыми от пота лицами. Пассажиры медленно и неохотно покидали салон, где был кондиционер, пусть и не спасающий от зноя. Кто-то дёргал воротники и галстуки, кто-то тщательно вытирался платком – такая привычная для Антонио картина, ежедневно наблюдаемая им на улицах родного города и ставшая частью его жизни. Он и сам очень хотел достать платок и смахнуть крупные капли пота, скатывающиеся с его покато лба прямо в глаза, но всё же он продолжал внимательно вглядываться в незнакомые, чуждые ему лица поглощённых своими заботами пассажиров. Профессиональный долг призывал его найти в этой толпе лишь одно, а для чего – он не знал и не должен был знать.

Несколько часов назад молодого полковника полиции Гарсию, со свойственной ему улыбкой вошедшего в здание министерства, окликнул дежурный:

– Вас вызывает Сам!

Улыбка полковника стала чуть менее жизнерадостной, но он всё тем же бодрым шагом поднялся на нужный этаж и смело постучал в высокую дверь. Его встретила испуганная секретарша. Даже прибытие такого известного весельчака и любимца дам не смогло её успокоить, и Антонио понял, что дело серьёзно.

Министр расхаживал по кабинету, заложив руки за спину. Он был мрачен, как туча, и долго молчал, как бы не обращая внимание на появление полковника. Тот стоял, вытянувшись по струнке, понимая, что министр по привычке выдерживает многозначительную паузу, дабы подчинённый, так сказать, проникся всей серьёзностью положения. Наконец, он резко развернулся к нему и протянул фотоснимок, изображающий лицо пожилого морщинистого мужчины с крупными чертами лица.

– Вы знаете этого человека?

– Нет, – признался Гарсия.

– Сегодня он прилетает в нашу столицу из Москвы двенадцатичасовым рейсом. Я хочу, чтобы вы его встретили.

Министр сел за стол и забарабанил пальцами по столу.

– Естественно, он не должен этого заметить.

Гарсия понимающе кивнул, пряча снимок во внутренний карман пиджака. Он сразу же почувствовал подвох: он знал, что министр недолюбливает его по ряду причин, одна из которых высокий по сравнению с министром рост. И конечно же высокий чиновник чувствовал, что подчинённый его не боится, не трепещет, переступая порог его кабинета. Но именно за смелость, с которой Гарсия шёл под пули бандитов и на ковёр к начальству, молодой полицейский достиг таких высоких чинов и статуса своего рода героя всего ведомства. И всё же, задание было не таким простым, каким казалось. Виду Гарсия не подал, а лишь отдал честь, развернулся на каблуках, и, взглянув на часы, отправился в аэропорт.

«Почему министр так переживает из-за прибытия этого человека? – думалось ему. Он хорошо знал начальника. Тот был не робкого десятка, и не боялся даже президента республики, с которым открыто выражал несогласия, критикуя его политику за излишнюю мягкость.

Именно поэтому Антонио не сводил с трапа глаз: ему поскорее хотелось увидеть этого «страшного» человека. Но в череде лиц пассажиров лицо с фотоснимка никак не желало появляться, видимо, он шёл в самом хвосте. Антонио не отвлекался и почти не моргал: он был

очень терпелив и вынослив, а также обладал умением концентрироваться, как хирург, на стоящей сейчас перед ним проблеме. Однако же, страшного человека он не пропустил лишь по чистой случайности.

А всё потому, что тот спрятался за широкой спиной сонного от жары пассажира, образующего солидную тень. Но человек, как ни странно, не стремился быть в тени, и вскоре из неё вышел, но всё-таки был замечен Гарсией уже на солидном расстоянии от самолёта.

Как же удивился Гарсия, когда увидел «страшного человека» не на фотоснимке, а в живую. Конечно, он был готов к тому, что сходство будет весьма формальным, ведь он привык к тому, что в жизни люди совершенно не похожи на якобы свои фотографии в документах или на фотороботы. Но такого резкого контраста он не ожидал. На фотоснимке красовался пожилой мужчина с безразличным лицом, квадратным подбородком и широким носом. Безразличие это бросалось в глаза в первую очередь. Холодное выражение невыразительных глаз наводило на мысль о скрытой угрозе: ни дать ни взять взгляд убийцы, тщательно скрывающего мысль убить в этот момент фотографа. Невольно Антонио подумал, что человек этот наверняка и есть убийца, скорее всего хладнокровный ликвидатор из КГБ, хоть полковник и знал, что такой структуры больше нет.

Но что же он видел на деле? А на деле, он увидел сморщенного сутулого старичка, шурящегося от солнца. Он остановился, прикрыл ладонью глаза, и... улыбнулся. Морщины на его лице образовали причудливый узор, ветер растрепал его седую, но довольно густую шевелюру. Старичок стоял, и, казалось, наслаждался моментом. Постояв так некоторое непродолжительное время, он поковылял к зданию аэропорта. К моменту, когда он поравнялся с Антонио, выражение его лица слегка изменилось: оно выражало скорее недовольство. Гарсии сразу представилось, как этот старичок ворчит на кого-нибудь из своих близких, и, как оказалось, ошибся он всего на чуть-чуть.

Старичок, прихрамывая, шёл по аэропорту. Видимо, в полёте у него затекли ноги. Для него была характерна обманчивая тяжесть движений. Он с интересом смотрел по сторонам, словно бы желал целиком и полностью изучить остановку, чтобы ничто не ускользнуло от его внимания. Он напоминал туриста, но Гарсия, который несмотря на молодость уже порядком поднабрался опыта, определил, что «страшный человек» уже бывал здесь раньше, а теперь лишь отмечал, что изменилось с момента его последнего визита.

Проклиная министра, Антонио медленно последовал за старичком. Следить за ним было сложно, приходилось постоянно останавливаться, так как идти в темпе гостя было для молодого человека неестественно, и могло вызвать подозрения «объекта», который, судя по опасениям крупного чиновника, мог оказаться и профессионалом. В этом Гарсия вскоре перестал сомневаться: раз министр ничего ему не сказал, значит так оно и есть. Министр не мог облегчить задание одному из самых несимпатичных ему сотрудников.

Но ничто в поведении старичка не выдавало в нём опасного человека. Весь его багаж состоял из небольшого потрёпанного саквояжа и выдавшего виды чёрного зонтика, потому ему не потребовалось идти, как все пассажиры, к ленте, на которой как на карусели по кругу катались здоровенные чемоданы, ожидая своих хозяев. Гость страны сразу же направился к выходу. Оказавшись на свежем воздухе, который таковым назвать было трудно, потому как он был раскалённым и обжигал лёгкие, старичок постоял, подышал, так же шурясь и улыбаясь, а затем с той же ворчливой гримасой двинулся к площади.

Здесь ожидали клиентов вездесущие такси, а также скромные торговцы предлагали гостям бананы – своего рода визитную карточку страны. Старичок заметно обрадовался, завидев одного из таких торговцев, радостно позвал его, к удивлению Гарсии, по-испански.

Торговец со связкой бананов торопливо подскочил к покупателю. Можно было подумать, что это была встреча двух старых друзей. Торговец был пожилым и, очевидно, потрёпанным жизнью. Его руку от локтя до плеча рассекал длинный бледный шрам. Такие же шрамы были

и у него на лице, что делало одну его половину малоподвижным, в противоположность другой, очень живой, морщины на которой сложились в дугообразный узор, чем-то напоминающий улыбку «страшного человека». Гарсия догадался, что торговец был партизаном во время последней гражданской войны. Именно таким как он страна была обязана свержением кровавой и тиранической военной хунты. Именно таким как он демократичный президент Гонзалес был обязан своим приходом к власти.

«Страшный человек» с силой пожал руку торговца и скосил глаза на его шрамы. Тот едва заметно кивнул. Казалось, что они уже поговорили о многом: где и когда партизан получил свои увечья, да и «страшный человек» приоткрыл ему тайну своей личности. Эти двое понимали друг друга без слов. Гарсия подумал, что не ошибся. Объект имел явное отношение к спецслужбам и был профессионалом высокого класса. Тем больший интерес он представлял для полковника. Он не хотел упускать шанс проверить на деле уровень своего мастерства. Одно дело следить за каким-нибудь пусть и отъявленным, но заурядным бандитом, другое за пусть и пожилым, но агентом КГБ. Настоящий экзамен на звание полицейского экстрас-класса!

Тем временем старичок купил связку бананов и, сердечно распрощавшись с торговцем-партизаном, направился к стоянке такси. Двигался он неторопливо, не забывая, правда, об осторожности на дороге. Не удержавшись, он оторвал один банан от связки, очистил и разом откусил больше половины. Гарсия не видел его лица, но удовольствие отражалось даже на затылке.

Сейчас вести его было легче. Гарсия ни на секунду не упускал его из виду, он был его тенью. Казалось бы, ничто не сможет воспрепятствовать выполнению его задания. Оторваться старичок не мог, заметить, судя по всему, теперь тоже, так как уж слишком был теперь занят. Расправившись с одним бананом, он сразу же принялся за следующий, так что создавалось ощущение, что он не ел этого лакомства несколько лет. Гарсия не мог его понять, в его стране бананы были буквально повсюду, и сам он не очень их любил. Но сейчас они помогали ему в его увлекательной игре. Бананы всегда были главными друзьями его страны.

Так они добрались до стоянки такси. «Страшный человек» отмечал каждую попадавшуюся ему на пути мусорную урну очередной банановой шкуркой, Гарсия следовал за ним, изучая его спину и размышляя о национальных символах. Вот старичок остановился в поиске машины. Жёлтая, как банановая шкурка, машина отделилась от группы ей подобных, стоявших в ожидании клиента на специальных парковочных местах, но вдруг замерла по середине дороги и отъехала назад.

Гарсия не сразу понял, почему это произошло, так как всё его внимание было сконцентрировано на сутулой спине старичка. Но бросив взгляд на дорогу, он увидел длинный чёрный лимузин, проезжающий мимо высунувшихся из своих машин удивлённых таксистов. Лимузин сопровождали четыре мотоциклиста, напоминавшие рыб-чистильщиц по бокам акулы. За лимузином следовали два бронированных джипа с тонированными стёклами.

Лимузин сделал круг, какой обычно делали для разворота жёлтые автомобильчики такси, и остановился прямо перед старичком. Он был наверно единственным человеком на площади, который не был удивлён, а продолжал смотреть прямо перед собой, будто бы ничего необычного не происходило.

Дверца машины открылась и из неё выпорхнул очень высокий краснолицый человек с красной же лысой макушкой и вьющимися седыми волосами, зачёсанными назад, что делало его голову похожей на водопад. У него были большие и пышные, как говорят, душистые усы, занимающие всё пространство вокруг носа. При виде ожидавшего такси старичка его и без того добродушное лицо будто бы просияло, и он заключил гостя страны в свои медвежьи объятия, так что казалось, он его сейчас раздавит. Старичок сдавленным хрипом дал ему это понять, и тот ослабил хватку. Но от этого она не стала менее сердечной.

Вся площадь изумлённо следила за этой картиной. И аборигены, и только что прилетевшие туристы были ошеломлены. Многие из них полезли за фотоаппаратами. В таком же состоянии пребывал и Гарсия. Наверно, такое событие не вызвало бы столь пристального общественного внимания, не будь пламенно приветствующий тщедушного старичка из Москвы человек президентом страны Гонзалесом.

Глава 2

Не успел никто и глазом моргнуть, как президент нежно и бережно, словно фарфоровую куклу, усадил своего гостя в лимузин, и нырнул туда следом, сделав лишь приветственный жест ошарашенной толпе. Он не мог не поприветствовать своих граждан, даже при таких обстоятельствах, но всё же он не мог делать этого долго, так как всё его внимание было сосредоточено исключительно на только что прибывшим старичке из Москвы.

Звали его Кондрат Архипович Харитонов.

Сидя на заднем сиденье лимузина, где было немного тесновато, прижатый к дверце бедром президента, Харитонов пытался сделать вид, что рад встрече чуть меньше, чем он.

– На это я не рассчитывал, – заявил он, окинув взглядом обстановку. – Как понимаешь, путешествую инкогнито.

– Ворчун, – добродушно заметил Гонзалес. – Не только ты умеешь работать. И мы не лаптем щи хлебаем.

Разговор вёлся по-русски.

– Я заметил. В аэропорту за мной уже пристроился хвост. Ты испортил мне удовольствие оторваться от него. Форсу было бы меня куда больше, чем в молодости.

Президент улыбнулся и хлопнул старичка по колену, отчего тот вздрогнул, будто бы от удара врачебного молоточка.

Кортеж двигался по широкому автобану, проходящему над джунглями. Дорога, связывающая аэропорт со столицей, была самой лучшей в стране. Правда, с неё не было ни одного съезда. Спустя минуту кортеж въехал в город. Сначала он проследовал мимо серых бетонных домов-символов прогресса и цивилизации, которую принесла революция Гонзалеса. Несмотря на разгар рабочего дня, из всех окон офисных зданий высывалось не менее дюжины бронзовых лиц (кондиционеры и вентиляторы были в стране дефицитом, а если же заботливый начальник всё же устанавливал их, они быстро выходили из строя. Так что клерки убивали одновременно двух зайцев: хоть как-то охлаждались и в то же время хоть как-то держались в курсе политической обстановки в стране).

Они едва могли различить на фоне могучего профиля президента маленькое и сморщенное, как у пожилой мартышки, лицо Харитонova. Если они всё же различали его, то уж вряд ли подумали, что именно этому невзрачному человеку они обязаны своей новой жизнью, свободной от жестокой диктатуры. Именно благодаря ему они получили возможность сидеть не в хижинах и землянках, а в бетонных коробках без кондиционеров, символизирующих прогресс. Знал об этом только сам президент Гонзалес.

Знал и не мог не думать о том, что не он, а именно Кондрат Архипович Харитонов являлся организатором революции в его стране, и что именно благодаря ему он занял свой высокий и ответственный пост. Знал, и не мог не быть ему благодарным. Харитонов чувствовал это, потому ощущал себя несколько скованно. Вот уже много лет он не помнил, чтобы кто-то был ему благодарен, а скорее не хотел, чтобы кто-то питал к нему такое чувство. Потому встреча со старым другом, а они были некогда именно друзьями, смутила его. Он почувствовал свою заскорузлость, которую всегда считал чем-то естественным, ставшим частью его личности.

– И как ты на меня вышел? – спросил он, больше для того, чтобы спросить.

– Не забывай, кто я, – ответил Гонзалес, больше для того, чтобы ответить. Опытный разведчик, Харитонов отметил ту неуверенность, с которой президент произнёс эту фразу. Гонзалес и не скрывал её от него.

Тогда Харитонов кивнул на водителя, парня в солнцезащитных очках-каплях, с бесстрастным лицом следившим за дорогой.

– Он не понимает по-русски.

Харитонов пожал плечами. Неожиданно, будто у бы фокусника, в его руке появился маленький блокнот и карандаш. Своим угловатым почерком он нацарапал:

«Уверен?»

Гонзалес было кивнул, но жест друга, вполне для него естественный и привычный, привёл его в некоторое замешательство.

– А я нет, – продолжил Харитонов, как ни в чём не бывало. – Знаешь, раз уж ты встретил меня, то давай завернём к океану. Я так давно не видел его, что хочу сравнить его с Клязьминским водохранилищем. Правду говорят, что там совсем не видать берега?

– Вот сам увидишь. На слово ты всё равно не веришь. А потом мы поедем на мою фазенду. Ради тебя я отменил консультацию с министром труда...

– Зря ты мне это сказал. Теперь меня заест совесть. Я не стою министра труда.

– Ничего. Я проконсультируюсь с ним завтра. И президенты тоже люди. Но все предпочитают не помнить об этом.

– Так спокойней для всех... – загадочно парировал Харитонов.

Президент проницательным взглядом посмотрел в глаза другу, тот отвёл взгляд и остановил его сначала на фуражке водителя, защищающей его глаза от пота, потом на своём зонтике. Оба могли услышать в этой фразе многое. Даже слишком многое. Почти всю историю своей жизни. Некоторое время они молчали, каждый вспоминая те события, которые предшествовали их расставанию, а также все те, которые привели к их встрече...

Теперь, передвигаясь по стране, сидя на обитом натуральной кожей заднем сиденье роскошного лимузина, они оба с трудом поверили бы в историю про торговое судно, вошедшее однажды двадцать пять лет назад в порт столицы. На борту судна была гуманитарная помощь Советского Союза: цинковые ведра, грампластинки Софии Ротару, щётки для унитазов и прочие вещи первой необходимости. Солдаты из хунты генерала Мерды долго пытались разобраться под звуки «Горной лаванды», что с такой помощью делать, и в результате решили применить её во время предстоящего военного парада (генерал Мерда эффектно смотрелся с ведром на голове и щеткой в руке). Но солдаты даже не подозревали, что главная помощь истерзанному диктаторским режимом братскому народу незаметно покинула судно и уже находилась на встрече с главой революционеров Энрике Гонзалесом.

Буквально через несколько дней революционные силы сняли с поста генерала Мерду прямо во время парада, во всей его новой амуниции. Всё произошло быстро и без лишнего шума: когда армия в полном составе залюбовалась на своего предводителя, войско повстанцев взяло их в кольцо. Солдаты не сразу поняли, что произошло, а когда поняли, то решили решить конфликт мирным путём, а именно примкнуть к революционерам.

Энрике Гонзалес принёс присягу (едва ли не впервые за всю историю страны), на только что написанной специально для этого случая конституции. После этого граждане: горожане, рабочие, крестьяне и даже индейцы, вдруг узнали, что теперь у них есть не только обязанности, но и права. Был сформирован новый кабинет министров. Полковнику Харитонову даже было предложено занять пост министра обороны. Харитонов ограничился лишь несколькими практическими советами по организации армии и государственного аппарата, ибо никто кроме него подобной услуги оказать стране не мог.

Когда всё закончилось, Гонзалес лично провожал его в аэропорт, точно также, как и встретил его много лет спустя. А потом долго махал белым платком уходящему на взлёт самолёту, и вытирал им слезу, скатившуюся на ус по массивному носу. Тогда президент был очень стройным и обаятельным молодым человеком, с заметной наружностью, способным вести за собой тысячи и тысячи человек... Президент принадлежал к числу людей, которые мало меняются со временем. Разве что теперь он потолстел и слегка полысел. Но после расставания в аэропорту у Харитонova сложилось впечатление, что его провожала вся страна. Когда Гонзалес

встретил его, такого впечатления не возникло. Всё же тогда он имел больше сторонников и единомышленников, и тогда он ещё не был вдовцом.

А что чувствовал Харитонов, покидая ту землю, на которую он ступил недавно вновь? Наверно лишь только то, что он выполнил свою миссию. Нет, не то, что помог защитить тысячи жизней от прихотей жестокого тирана, и не то, что способствовал установлению демократичной, ценящей жизнь и свободу человека власти. Даже не чувствовал, что совершил подвиг или повлиял на ход истории. Всё это было лишь частью его профессии.

Он был начисто лишён тщеславия и даже присущей специалистам высокого уровня профессиональной гордости. Его мозг, живший исключительно мыслью, вообще не ведал ни худших, ни лучших человеческих чувств.

Лишь недавно, к шестидесяти годам, он начал осознавать, что здесь, в этой банановой республике, и в десятке других таких же, он доказал народам, что диктаторы не всесильны, власть их далеко не незыблема, и с одним диктаторским режимом можно покончить и без установления нового. Он был ассом разведки такого уровня, что вряд ли кто-нибудь мог сделать это кроме него.

Но почему-то даже теперь он не радовался этому. Да, доказал. Но он не мог ответить на главный вопрос – кто такой Кондрат Архипович Харитонов? Это автомат по устранению тиранов и осчастливливанию народов, или всё-таки человек?

Если он задался таким вопросом, он уже не автомат. Автоматы не знают противоречий, они только сбиваются с программы. Значит, он всё-таки может быть человеком, которым он себя не ощущал. Настоящего Человека, прожившего жизнь не зря, делает таковым человечность – любовь к людям, сострадание, отзывчивость, чуткость. Но он никогда не переживал всего этого. Им руководила лишь мысль, осмысленная цель, пусть и благородная, но бездуховная. Любил ли он когда-нибудь и кого-нибудь? Наверно, всё-таки да. Он органически ненавидел, если можно говорить о столь сильной эмоции, любую несправедливость, угнетение, насилие, боль. Где-то в глубине своего сознания он мечтал навсегда покончить с ними. Но он приучил свою мысль не выходить за пределы своей миссии, задания, конкретной операции.

А люди? Любит ли кто-нибудь его самого? Наверно, да. Но как можно сердцем полюбить человека, которого не знаешь? Которого не понимаешь, даже если разумом осознаёшь, что этот человек-освободитель? Значит, его любят заочно, фигуру абстрактную, почти мифическую, как Кетцалькоатль¹.

Он мог понять, каково это – быть Кетцалькоатлем. Знал ли древний пророк, что он делает? Какое благо принесёт людям то, чему он их научил? Ждал ли он благодарности, всеобщей любви, уважения, почёта? О чем он вообще думал? Наверно, ни о чём. Иначе... иначе что-нибудь пошло бы не так...

Для него Кетцалькоатль – не имя. Кетцалькоатль – профессия.

«Их имена неизвестны —
О них лишь слагают песни...»

Так говорили о людях его профессии в годы его молодости. Так, или как-то в подобном роде. Харитонов иногда приходил к выводу, что если бы он сам о себе так думал, он не смог бы быть разведчиком. Не так то легко постоянно думать о том, что совершаешь подвиг ради чьего-то счастья. Слишком велика ответственность, и слишком велик соблазн встать в позу героя, требовать особого к себе отношения. И Харитонов не думал.

Во многом и благодаря этому событиям, которые произошли в России в конце XX века, не могли Харитонova разочаровать, потому как он никогда и не очаровывался. Но теперь, после

---

¹ – Кетцалькоатль – в мифологии древних народов Латинской Америки божество, научившее людей земледелию.

осознания того, что он не робот, он начал страдать бессонницей. Те кто жил, пусть и строя иллюзии, боролся за идеи и горько разочаровывался, хотя бы жил полной жизнью, становился с каждым годом мудрей или же страдал. Но и страдания можно считать неотъемлемой частью человеческой жизни. Возможно даже, что поиски и разочарования – главные её двигатели.

Харитонов никогда не испытывал никаких треволнений и беспокойств, связанных с этим. В молодости он считал, что не имеет на это права. Выработанный автоматизм избавлял его от терзаний и разочарований, которые многих сводят в могилу, становясь причиной инфарктов или суицидов. Профессионализм был его жизненной философией, его идеей. «Делать своё дело и не думать о том, что к нему не относится» – эти слова он мог бы начертать на своём гербе как девиз.

И он продолжал делать своё дело. Руководство ведомства, где он служил, часто менялось. Менялись всё, но при этом не менялся принцип: «Их имена засекречены – о них слагают песни». К постаревшему Харитонову относились с непременным уважением, как к тому, о ком в своё время слагали песни. Но всё же, Харитонов любил сравнивать это уважение с тем, как относятся к музейному экспонату. С таким же трепетом отнеслись бы и к его фотографии на доске почёта. К настоящей работе его привлекали всё реже, ибо были молодые прогрессивные специалисты, а он... он, Кондрат Архипыч Харитонов, полковник, блестящий стратег, маэстро партизанской войны и несостоявшийся министр обороны одной банановой республики, постепенно устаревал. Как любого робота, его сменяли усовершенствованные роботы нового поколения. Это окончательно выбило его из седла.

Он сделался угрюмым и ворчливым, хоть и в молодости он был не очень то веселым. Тогда он внешне напоминал гранитную статую, но когда требовалось пойти на контакт, провести вербовку или просто что-нибудь разузнать, он умел быть весьма обаятельным: умел непринуждённо шутить, изображать компанейского парня. Теперь же, если его приглашали на какое-нибудь совещание, чаще как консультанта по историческим вопросам, Харитонов развлекался тем, что когда какой-нибудь оратор с блеском в глазах предлагал свой проект, напирая на его достоинства, выискивал все минусы данного проекта и высказывал их в полном объёме, со всей пугающей откровенностью.

Таким поведением он добился своей цели: к нему перестали относиться как к трогательному артефакту и лицу с доски почёта. Большинство его сотрудников стали проклинать тот день, когда Харитонов отказался от министерского портфеля в банановой республике.

Однажды, весьма крупный начальник, взбешённый тем, что Харитонов растёр в пыль его «блестящий» проект касательно очередной реформы подразделений, и ещё больше тем, что тот прервал его на середине, не дав насладиться собой в полном объёме, воскликнул:

– Слушайте вы, предложите ваш проект, раз вы такой умный!

– Увы, это не входит в мои обязанности, – невозмутимо ответил Харитонов.

– А критиковать всё, что бы я не сказал, это входит в ваши обязанности?

– Так точно. Я отстаиваю принцип объективности.

– Что это за динозавр?! – ревел тот же начальник уже на другом совещании, на которое Харитонova благоразумно не пригласили.

– Это Харитонов, – робко ответил кто-то из заместителей, вытирая потные ладошки о брюки с лампасами.

– Кто это такой?

– Не знаю... Когда-то он проводил блестящие операции в Латинской Америке... не помню, в какой стране...

Начальник плотно сжал губы от того, что злобу пришлось сдержать.

Личность, окутанная дымкой таинственности, в том ведомстве всегда пользуется уважением. Несмотря на все выходки, авторитет Харитонova продолжал оставаться довольно высоким, и ссориться с ним никто не хотел. Никто не знал, какими секретами обладал старый

КГБешник. После того, как всемогущая организация распалась на несколько частей, в суматохе многие сотрудники «старой школы» прихватили по какому-нибудь государственному секрету. А поди догадайся, в каком количестве и какие именно секреты кто прихватил.

Потому начальник не мог предпринять каких-либо мер против той «рептилии», и ему оставалось либо надеяться, что тот сам померёт от разлива желчи, а по опыту он знал, что это куда как маловероятно, либо же услатить его куда-подальше.

Потому однажды, когда Харитонов в предвкушении нового плодотворного диалога сидел вместе с руководящими офицерами на совещании у ещё более крупного начальника, тот вдруг откашлялся и произнёс с торжественной ноткой:

– Кондрат Архипович... Поздравляю вас! Мы приняли решение наградить вас, как заслуженного ветерана ведомства и достойного профессионала, туристической путёвкой в любую точку мира, и на любой срок, на который пожелаете.

Харитонов не был сильно удивлён. Потом он часто задумывался над тем, почему он выбрал именно ту страну, где президентом был Энрике Гонзалес? Ведь практически не было в Латинской Америке диктатора, который не проклинал бы вездесущего советского шпиона.

Он готов был поручиться, что причиной тому был не белый платочек в огромной ручище президента, и не слеза, застрявшая у него в усах. Тогда он практически сразу забыл о нём, а вспомнил лишь недавно, в одну из бессонных ночей. После он не поленился сходить в архив и собрать все материалы о том, как шли дела его протеже и о том, как жила его страна. Ничего необычного для себя он в этих сводках не открыл, всё развивалось ровно так, как он предполагал, не хуже, и не лучше. Тогда Харитонов без удовлетворения отметил, что он редко ошибался.

Сам себе он попытался объяснить свой внезапный интерес к республике сначала тем, что ему просто нечем заняться (в перерывах между совещаниями он и вправду по большей части ничего не делал, лишь изредка давал напутствия случайно заблудившимся в коридорах здания и имевшим несчастье попасть в его кабинет сотрудникам), потом старческой сентиментальностью. Последнее объяснение казалось ему абсолютно смешным: он слишком хорошо знал, что это как раз то, чем он не обладал и в самой малейшей степени.

Роботы сбиваются с программы, поезда сходят с рельс. Это всегда заканчивается одинаково. Харитонов не мог признаться себе в том, что кроме профессиональных обязанностей были какие-то другие причины, всё это время побуждавшие его принимать участие в жизни почти чужих народов. Даже теперь он предпочитал не искать их в себе, не формулировать их перед самим собой, потому что знал, что всё равно ничего не сможет сделать. Больше ему ничего не поручат, не дадут даже пусть опять же машинально, но всё-таки помочь кому-нибудь. Но вдруг, после одного из посещений архива, он понял, что больше не может сидеть здесь и ничего не делать. Он почувствовал, что может быть нужен там. И потому всё яростней и яростней стал «отстаивать объективность» на совещаниях.

Когда на площади перед аэропортом перед ним остановился лимузин президента, Харитонов, как полагалось, не удивился. Сейчас он не мог отделаться от мысли, что он ожидал этого с того самого момента, когда он после бессонницы отправился в архив и скрупулёзно изучил все архивные материалы о состоянии дел в стране. Он чувствовал, что вновь может быть нужен здесь, и гнал от себя это чувство, которое не могло обрести такую необходимую для него мысленную оболочку. Теперь он понял, что чутьё его не подвело.

Когда обрадованный Гонзалес заключил его в объятия, Харитонов испытал острое чувство стыда перед этим огромным и добродушным человеком. Ему было стыдно за то, что он всю жизнь был роботом, бесчувственной рептилией. Харитонову было стыдно, что он не может даже как следует обрадоваться встрече с другом, который был очень тёплым и искренним человеком.

Воспитанник детдома, Харитонов в первый раз в жизни осознал, что кто-то может любить его. Любить не как самоотверженного разведчика, о котором слагают песни и имя которого

– военная тайна, а как друга, как человека. Пусть такого, внешне заскорузлого, с несносным ворчливым характером, но друга и человека. Теперь он был поставлен в тупик, так как не ожидал проявления такого дружеского чувства со стороны Гонзалеса, и толком не знал, как ему реагировать. Но больше всего он злился на себя за то, что не может ответить ему тем же...

Наконец, вдали забрезжил спасительный зелёный океан. Кorteж выехал на пустынный песчаный пляж.

– Остановите здесь, Мигель, – распорядился по-испански президент. – Мы пройдемся пешком.

Глава 3

Они вышли из лимузина. Четверо мотоциклистов спешили, и молчаливо последовали на некотором расстоянии за Харитоновым и Гонзалесом. Молчаливые, одетые в чёрные костюмы, они наверняка изнывали от жары, но не подавали виду, как настоящие индейцы, кем они, собственно, и являлись, и по крови, и по образу мысли.

Над пляжем носилось несколько чаек, искавших мусор, оставшийся после отдыхающих. Харитонов удивился, как водитель отыскал в такое время безлюдный участок побережья. Очевидно, он пользовался какой-то нехорошей славой. Пляжного мусора под ногами было на удивление мало, лишь иногда тут и там попадались банановые кожурки, чтобы никто даже здесь ненароком не забывал о национальном достоянии и кушании, с успехом заменяющим заморские бутерброды из полуфабрикатов.

Харитонов послунывил палец, определил, что ветер дует в сторону океана, и встал между ним и президентом. Зелёные волны были подозрительно спокойны. Где-то вдалеке застыл белый треугольник паруса яхты.

Гонзалес заметил его машинальную заботу о конспирации, и произнёс:

– Не волнуйся. Нас может слышать только океан.

– И ветер, – ворчливо прибавил Харитонов. – Конечно, мои коллеги весьма справедливо полагают, что я отстал от современных технологий, но про такие штуковины, что усиливают звук на любом расстоянии, я слышал.

– У нас могут воспользоваться только стаканом.

– Я бы не был так в этом уверен. Где гарантия, что это только моему начальству пришла в голову блестящая мысль заслат в эту страну шпики? За двадцать лет до этого наверняка додумался кто-нибудь ещё, и прислал кого-нибудь более продвинутого, чем я. Вспомни, для тебя и винтовка была чудом техники.

– Ты прав. Но... – Гонзалес запнулся, и вдруг махнул рукой в сторону паруса. – Наплевать! Пусть их слышат! В конце концов, разве я должен скрывать то, что очень рад тебя видеть?

– Нет, – признал Харитонов. – Только через час доклад о твоей встрече со старым волчарой из КГБ не будет лежать на столах директоров разведок лишь тех стран, в которых никогда не видели столов. Да и тем подложат под пальму. Такое знакомство может служить дурной рекомендацией... хотя... кто я такой? Все подумают, я приехал просить у тебя денег взаймы.

– Ты утрируешь. Ты – национальный герой в нашей стране, и ещё во многих. А вот я – тиран.

– Как Мерда? Чтож, поздравляю.

Президент Гонзалес виновато улыбнулся и потупил взгляд на песок.

– Нет. Я хуже. Мерда был у власти всего десять лет. Я вдвое больше. Мерда был по-своему честен, он не скрывал своей диктатуры, не обещал сытой и спокойной жизни в благоденствующей стране. Я же только и делаю это. Я выступаю в Парламенте с проектами либеральных реформ, единственный наш телеканал с утра до ночи транслирует мою лоснящуюся физиономию, которая рассказывает о том, каким райским уголком станет наша страна, забыв прибавить: «Хорошо, если ваши внуки это увидят.» Я строю потёмкинские деревни в виде бетонных коробок, и вожу по ним иностранные делегации, со словами: «Смотрите, это не хижины, что были двадцать лет назад! Любите меня, я демократ!» И так двадцать лет, изо дня в день! Когда со мной была Лючия, я сам верил, в то, что говорил. Но теперь... Я вижу, что всё, чем я занимался – это было заштукатуривание больших трещин, которые расползаются всё больше и больше. И все, я думаю, видят это. Видят и молчат, потому что не могут представить на моём месте другую фигуру. Все эти годы народ терпел меня только потому, что мне не было альтернативы. В своё время я почти ничего не сделал для этого, это сделал ты. Но времена меняются,

и континенты движутся. Выросло новое поколение, которым хочется чего-то нового. Теперь у нас появилась молодёжная оппозиция. Я сам лично приветствовал её, ибо демократичный правитель прислушивается к конструктивной критике. Но... есть те, кто хочет воспользоваться этим. Тогда будет очередной переворот, и ты сам знаешь, станет ещё хуже...

– С этого надо было начинать. Ты раскрыл заговор?

– Да. Но не это главное. Если бы я знал, что у меня есть достойный соперник, который сможет взять новый курс и привести страну к процветанию – я сам ушёл бы в отставку. Может быть, это лучшее, что я смог бы сделать. Но новое поколение ещё очень молодо. Оно не имеет того опыта, который имею я, несмотря на моё бессилие. Вокруг полно шакалов, которые так и алчут вскружить голову ещё ничего не понимающей молодёжи, и сделать из страны нечто жуткое... Ты же знаешь, как в соседних странах процветает наркомафия. Мы пока что ещё недоступны для неё. Но они внедрились к нам агентов, цель которых наладить канал поставки «дури». Мы нужны им как крупная перевалочная база: наркотики очень удобно вывозить из страны в коробках с бананами, и ввозить их в другие страны. Пока я президент – этому не бывать. Но они уже придумали способы, как со мной воевать. Эта война длится много лет: они разоряют наши предприятия, занимаются вредительством на плантациях, устраивают провокации против нас и стремятся дискредитировать в глазах мирового сообщества. Наверняка ты читал заметки в газетах о том, как макаки в зоопарке Пигзвилля, штат Массачусетс, отравились марихуаной, которая якобы содержалась в бананах, ввезенных из нашей страны?

– Помню.

– Это нанесло мощнейший удар по нашей экономике. Мне с трудом удалось оправдаться, заказав огромную тучу экспертиз независимым организациям, на оплату которой ушла половина нашего бюджета. Было доказано: мы не виноваты, и бананы у нас лучшие на континенте, выращенные без применения генной инженерии. Но всё-таки на наше реноме легло несмываемое пятно (о результатах экспертизы в газетах не напечатали). Кроме того, теперь и наша молодёжь, которая держит равнение на Север², теперь также не верит во все мои доводы, считая меня политиканом, делающим всё, чтобы удержать власть ещё лет на пятьдесят. Знали бы они...

– В каждом положении есть свои преимущества, – медлительно произнёс Харитонов, наблюдая, как трость его зонга входит в мокрый песок. – По крайней мере, тираны не несут ни за что ответственность...

– В том то и дело, Кондрат! Это самое страшное! Я этого и боюсь. Ответственность – это то, что делает нас людьми. Она не даёт нам потерять себя и забыть о других людях. Если её нет – мы всего лишь кучка жалких зверей, которые не смыслят ничего, кроме удовлетворения своего голода...

– Каков закон джунглей, Энрике? Мы с тобой одной крови? Да, так было, пока Акелла не промахнулся. Теперь же закон – каждый сам за себя.

– Но я ещё не промахнулся! Я не позволю шакалам обманывать мой народ. Я не многим лучше, но я... Нет! Я ничем не лучше...

Президент вдруг поскользнулся на банановой кожуре, но быстро восстановил равновесие. Телохранители было дёрнулись в его сторону, но он дал им знак, что всё в порядке, и те продолжили свой путь, будто бы ничего и не произошло.

Кондрат Архипович Харитонов не попытался подхватить друга. Не по той причине, что ему было безразлично, шлёпнется ли он на песок, и не потому, что тщедушный старичок опасался, что тучное тело президента придавит его. Просто Харитонов слишком поздно среагировал, и заметил неуклюжее движение Гонзалеса уже тогда, когда тот крепко встал на ноги.

---

² Страна, на которую обычно держит равнение молодёжь, находится к северу от центра описываемых событий, а не к западу

Он злился на себя. С ним это бывало не впервые, особенно в последние годы. Но именно теперь он почувствовал всю свою беспомощность. Он – профессиональный разведчик, которому была подвластна абсолютно любая миссия, который мог примерить на себя любую роль, любую маску, оказался бессилён просто поддержать своего друга.

За всю жизнь Харитонов не произнёс ни одного тёплого слова. Ему приходилось слушать исповеди в момент отчаяния, утешать, вытирать слёзы, оказывать необходимую душевную помощь, успокаивать людей, дошедших, как им казалось, до точки невозврата. Но всё это ему приходилось делать на всё том же машинальном уровне, ничего при этом не чувствуя и даже почти не замечая этого. Это просто требовалось для дела.

Теперь же, когда Гонзалес просил у него моральной поддержки (Харитонов осознал, что тому ещё и не к кому обратиться за ней, кроме него), он оказался не способен проявить искреннего участия, несмотря на все его хитрости и примочки, так как не поможет ни одно удобрение взрастить семя пустынной почве. На ум шли лишь одни циничные фразы, и Харитонов не мог реагировать на это спокойно, ругал себя мысленно всеми словами на всех языках, какие знал. Наконец, Харитонов нашёл компромисс с самим собой, и произнёс, медленно, тщательно подбирая слова:

– Энрике... Я, конечно, могу сказать тебе то, что обычно говорят в таких случаях... Что ты перетрудился, перенервничал, или тебе нужно отдохнуть. Это тебе смог бы сказать любой гражданин твоей страны, если бы ты остановил его и рассказал то, что рассказал мне. Наверно, ты не это хочешь от меня услышать. Я бы пожелал тебе, чтобы ты услышал от меня то, что хочешь, или то, что тебе поможет... Я на слова скуп. Но одну историю рассказать могу. Когда я прилетел сюда и вышел из здания аэропорта, то увидел старика, торгующего бананами. Я узнал его: это был один из членов повстанческого отряда, тот самый, со шрамами от мачете. Он боролся за свободу своей страны ещё тогда, когда ты не стал идейным вождём революции. Когда надежды у народа не было никакой: как ты понимаешь, у солдат Мерды были хотя бы мачете, у повстанцев только лопаты. Я помню, как я обучал его обращаться с пистолетом, сам знаешь, какая у меня память на лица. Я подошёл к нему, он тоже меня узнал. Я спросил его, почему он, почтенный ветеран, торгует бананами в полуденный зной, а не сидит в тени, на веранде своей фазенды, и не рассказывает своим внукам о славных днях своей молодости. Неужели для него не нашлось другого занятия? Знаешь, что он ответил? «Вся наша страна торгует бананами. Если это делает наш президент, почему я должен стыдиться этого?» «Вот она, демократия, – подумал я. А он, немного подумав, вдруг прибавил: «Лучше торговать бананами, чем своей честью.»

Президент остановился и стал неподвижным взглядом смотреть на сморщенный профиль Харитонova, обращённый в сторону океана, к белому треугольнику яхты, которая, казалось, следовала за пешим кортежем по воде.

– Это то, что ты хотел бы услышать?

– Наверно, да... Кондрат...

– Не надо. Раз случилось так, что я второй раз оказался в твоей стране, я постараюсь сделать всё, от меня зависящее. Только на этот раз не предлагай мне пост главнокомандующего армии.

Харитонов знал, что это лучшее, что он сможет сделать для своего друга, а именно, как и двадцать лет назад, пустить в ход свои знания, умения и опыт. Да, он не очень чуткий собеседник, зато он хорошо борется с тиранами. Не для этого ли он выбрал страну, когда ему предложили отправиться куда-подальше? Не за этим ли он искал повод, чтобы его отправили куда-подальше? Теперь Харитонов предпочёл не заниматься поиском ответов на риторические вопросы.

– Я начну с анализа всей политической ситуации. Для этого в моём распоряжении должны быть архивы всех министерств и всех ведомств, начиная с разведки и контрразведки,

кончая ассенизаторской конторой. Твоя задача – обеспечить мне доступ к ним и создать прикрытие. Думаю, легенда о том, что я русский писатель-графоман, который сошёл с ума и рьяно взялся изучать вашу историю, будет мало правдоподобной, но хотя бы уж дерзкой в своей издевательской банальности. Далее, я должен познакомиться со всеми политиками в этой стране. Предлог тот же, пусть все хоть посмеются. Нам плевать: мы держим курс и видим цель. Через некоторое время я смогу вытащить тебе на блюде всех заговорщиков. А там делай с ними, что хочешь, расстреливай, или читай лекцию о пользе демократии для здорового развития планеты. Это зависит от того, хочешь ты их прикончить сразу, или пусть сами долго и мучительно помирают со смеху.

Харитонов предвидел реакцию президента на его слова, потому постарался всячески избежать встречи с его взглядом. Во-первых потому, что не любил проявления чувств, в особенности благодарности (ему её почти никогда и не выказывали, и Харитонов с молодости внушил себе, что она ему и не нужна). Во-вторых это был бы лишний повод удостовериться в собственной машинности и почувствовать стыд. Но главное, Харитонов боялся показать свою машинность Энрике. Чего доброго, он не поверит его искренности (да, и роботы бывают искренни, особенно в выполнении своей программы) и решит, что Харитонов делает ему одолжение.

Да плюс ещё те четыре парня. Очевидно, они всё в жизни повидали. Наблюдали своего хозяина и в моменты приступов самого чёрного отчаяния, или, как теперь, излучающим светлую надежду. Харитонову почему-то этого не хотелось. Может быть, потому что видел в них таких же роботов, как и он сам, только более современных и модернизированных, и ему не хотелось, чтобы проявление искренних чувств заставило хоть на время забыть свою программу? Или же просто потому, что ему было обидно их безразличие? Иногда он считал, что родившись, взял на себя обязанность быть безразличным, которая принадлежала многим и многим людям. Потому сам он не любил людей хладнокровных и циничных. Они не оценивали его жертвы. Харитонов тайно мечтал о том, чтобы он был таким один. Тогда мир был бы определённо гуманистичнее.

Энрике Гонзалес хорошо знал натуру своего друга, потому как, несмотря на внешность увальня, был очень чутким и проницательным человеком. Так теперь он заметил, как Харитонов ежится, старательно избегая его взгляда, и с трудом сдержал свой порыв, опасаясь раздражать его. С момента начала их знакомства Гонзалес благоговел перед Харитоновым. Он считал его невозмутимость и хладнокровие каким-то особым даром, которого лишены обыкновенные люди, вроде него. Зачастую он сравнивал своего друга с Кетцелькоатлем, божеством индейцев, сошедшим с небес и научившим его предков земледелию. Они оба теперь тайно завидовали друг другу белой завистью.

– А теперь мы поедem на мою фазенду, – сказал лишь президент с виноватой теплотой в голосе. – Мария столько слышала о тебе, и будет просто счастлива познакомиться с тобой!

– Боюсь разочаровать её, когда вместо мужественного героя в духе Хаггарда она увидит старую и сморщенную хромую обезьяну... – буркнул Харитонов.

– Ей будет с кем сравнивать... – ответил президент, смысл его фразы Харитонов поймёт значительно позже. – Но если ты будешь так же ворчать, то действительно разочаруешь её. Герои не брюзжат. А мы не должны разочаровывать нашу молодёжь.

– Правильно. Пусть молодёжь сама себя разочаровывает. Потому ворчать не буду. Буду молчать, как вяленая вобла.

Президент всё же не удержался, схватил Харитонova под мышку и, несмотря на то, что тот упирался и сдавленно хрипел, потащил к лимузину.

Как только кортеж развернулся и вырлился с пляжа на дорогу, ветер переменился, и теперь дул с океана на континент. Белый треугольник паруса развернулся на 180 градусов и выгнулся дугой. Яхта на максимальной скорости пошла в сторону столицы.

Глава 4

Министр внутренних дел страны Педро Рамирес пребывал в спокойном расположении духа. Подобного рода событие могло сравниться по периодичности с увеличением премии сотрудникам министерства или с солнечным затмением.

Окна кабинета Рамиреса выходили на океан. Смотря в него, министр мог видеть зелёные волны с голубым отливом, кусочек золотого берега и две склонённые друг к другу пальмы. Такой пейзаж, который скорее напоминал картину, нежели подлинный вид из окна, мог сделать счастливым кого угодно, а уж скрасить тяжкие трудовые будни – так просто за милое дело.

Кого угодно, но не министра Рамиреса. Куда больше внимания и одобрения с его стороны выказывалось двум огромным вентиляторам, которые, подобно верным стражам, всегда стояли за его спиной и обеспечивали комфортный климат, обдавая мощными потоками свежего ветерка. Эти двое действительно несли большую ответственность перед всей страной, ибо их главной обязанностью было постоянно охлаждать министра, который нагревался как снаружи от раскалённого солнца, так и изнутри, от не менее горячего темперамента. А перегрев министра грозил тем, что он взорвётся, или же, чем-нибудь, что ещё хуже.

Но сейчас оба вентилятора могли позволить себе особо не усердствовать. Министр, как уже было отмечено ранее, был спокоен. Он сидел, откинувшись в кресле, в котором тонуло все его тело, и даже смотрел в окно. Правда, пейзаж всё же оставлял его безразличным. Рамирес не был романтиком, и для него это был всего лишь вид из окна (раз есть окно, в него что-то должно же быть видно, не так ли?)

А началось всё с того, что министр решил смотреть на жизнь философски. Философию Рамирес любил, хотя в юности, если хотел иногда просветиться каким-нибудь трактатом, почти сразу же не без раздражения откладывал его в сторону, так как не мог понять ни строчки. Это его не огорчало, ведь не все могут запомнить заумные, надуманные термины. А главное, зачем? Неведение в философских сочинениях отнюдь не мешает относиться к жизни философски.

Безусловно достойное желание переменить образ жизни и категорию мышления последовало за рядом неприятных для министра известий, первым в череде которых было, безусловно, известие о прибытии Кондрата Архиповича Харитонов. Оно было получено по длинным и извилистым каналам информации, начинающимся среди сотрудников авиакомпании-перевозчика, и заканчивалось в кабинете с видом на пальмы и океан. Объективно министр не мог объяснить себе, чем ему так не понравилось прибытие Харитонova. Он даже толком не знал, кто это такой. Слышал только, что этот русский некогда оказал некую большую услугу президенту Гонзалесу (то, что Харитонов был народным героем было несколько преувеличено: скорее, он был полуполюгендарной фигурой, вроде Кетцалькоатля, предания о котором добрые дедушки рассказывали своим внукам на сон грядущий). У Рамиреса такого дедушки не было (а по возрасту он и сам должен был бы выступать рассказчиком), с раннего детства он был солдатом, потому о сведениях о Харитонове он обладал весьма поверхностными. Но интуитивно Рамирес почувствовал, что прибытие на вид безобидного старичка-боровичка может изменить расстановку сил и перевернуть всю партию с ног на голову.

Доклад полковника Гарсии о представлении в аэропорту подтверждал это подозрение.

А вторым «пренеприятнейшим» известием для министра стало сообщение аналитиков его ведомства: попытки наркомафии проникнуть на «чёрный» рынок страны не увенчались пока что особым успехом.

Как уже наверно заметил читатель, министр Рамирес был весьма противоречивым человеком. Во многом потому, что был блестящим министром. Выходец из беднейшей неграмотной семьи, вынужденный с малолетства уйти в партизаны в горы, он горячо приветствовал революцию, свергнувшую режим Мерды. Рамирес помнил о причине, заставившей его и многих

других стать по сути разбойниками – поиск пропитания. И это в стране, где еда буквально на каждом шагу – протяни руку да сорви банан! Во время тирании военной хунты Мерды такая вольность каралась расстрелом.

С приходом Гонзалеса всё изменилось. Демократичный президент решил продовольственную проблему природным путём, устроив общественные плантации, куда любой трудящийся гражданин мог прийти и бесплатно набрать столько, сколько нужно. Большинство граждан трудились на этих же самых плантациях, что решало так же и проблему трудоустройства, и проблему оплаты труда (другое дело, что дальше этой реформы дело не пошло, но президент объективно сделал всё, что мог).

Педро Рамирес, пылкий революционер и сторонник реформ, решил встать на защиту нового порядка. Став свидетелем положительного изменения в жизни его страны, он всем своим существом возненавидел криминал, ведь на смену одним разбойникам неизменно приходили другие. Рамирес не понимал этих людей. «Если государство дало возможность жить честно и получать по труду своему, нужно быть безмозглым животным, чтобы быть паразитом и грабить его! – часто повторял Рамирес во время собраний активной революционной молодёжи.

Рамирес поступил на службу в только что сформированную полицию, в отдел уголовного розыска, который он очень быстро возглавил благодаря природной смекалке и служебному рвению. К тому моменту Рамирес, ещё недавно совсем не умеющий читать и писать, не только овладел всеми этими дисциплинами, но и освоил юриспруденцию, экономику, теорию управления, словом, пожал все возможные в молодой республике плоды просвещения (к этому периоду его жизни относятся и его неудачные философские опыты).

На него быстро обратил внимание президент Гонзалес и вскоре предложил занять пост министра внутренних дел. Если Гонзалесу и пришлось вскоре пожалеть об этом предложении, то отнюдь не из-за того, что Рамирес плохо справлялся со своими ответственными обязанностями. Благодаря грамотной кадровой политике (именно он, Рамирес, несмотря на личную неприязнь, способствовал продвижению по службе талантливого оперативника полковника Гарсии, и не его одного) и крепкой, хорошо законспирированной агентурной сети, министру удалось сначала полностью контролировать «чёрный рынок», а затем, перекрыв таким образом разбойникам канал снабжения оружием и информацией, задушить все крупные бандгруппировки.

С самого первого дня своего пребывания в должности, Рамирес показал, что он не станет скрывать свою позицию по какому-то ни было вопросу, даже если она идёт вразрез с позицией самого президента. Таким образом, истинный революционер, привыкший бить своего врага до конца, составил единственную оппозиционную силу демократичному до мозга костей Гонзалесу. Яблоком раздора между ними стала нынешняя система исполнения наказаний, приходившаяся Рамиресу мягко выражаясь не по нраву. Будучи главой уголовного розыска, Рамирес не интересовался дальнейшей судьбой преступника, которого ему удалось арестовать. Его обязанности заканчивались на передаче дела в суд республики, и он очень хотел, чтобы его побеждённый враг получил по «самое небалуй». Преступник, по его мнению, не заслуживал прощения. Это особая порода человека, если человека вообще. Рамирес считал, что вор при нынешнем порядке крадёт исключительно в силу порочности своей натуры. А это значит, что никакая тюрьма не сможет исправить его. А если учесть, что в тюрьме многие из них чувствуют себя как в родном доме, и питаются теми же бананами, собранными для них руками честных тружеников...

Став министром, Рамирес узрел суть демократичного и гуманного правосудия. Уголовники, после привычной встречи с сотрудниками полиции, отправлялись на парочку лет «отдохнуть в санатории», как называл это сам министр. Несогласие с этим принципом сделало его рьяным противником демократии Гонзалеса, да и демократии вообще. Он призывал вновь ввести

смертную казнь за самую малейшую кражу. Основным доводом его оппонентов было то, что это вернёт страну в эпоху Мерды, установит гнетущую атмосферу страха и недоверия. Рамирес продолжал настаивать на том, что это – единственный путь, способный привести страну к процветанию.

Президент Гонзалес испытывал к Рамиресу смешанные чувства. С одной стороны он сильно уважал своего оппонента за его безупречную преданность народу и безукоризненное исполнение своего долга (уважал, возможно, больше, чем самого себя). С другой стороны боялся его, видя в нём тень генерала Мерды. Похожие чувства питал к президенту и министр, разве что позволял в его отношении куда большую резкость, ибо критика его была просто безжалостной. Они оба были максималистами.

Политиком в полном смысле слова Рамирес стал уже тогда, когда криминогенная обстановка в стране пошла на убыль. Произошло это отнюдь не потому, что теперь министр мог позволить себе расслабиться и заняться чем-нибудь ради искусства. Просто Рамирес осознал, что при ненавистной ему демократической системе полностью подавить преступность невозможно: после небольшого «отдыха» рецидивисты вновь выйдут на свободу, и отправятся на банановые плантации. Только отнюдь не для того, чтобы на них работать. А с ними пойдёт и новое поколение «порочных».

Но, как было замечено раньше, Рамирес был максималистом. Его отнюдь не прельщала роль пастуха, который провожает уголовников из «санатория» на плантацию, помахивая им вслед белым платочком и смахивая наивную слезу, означавшую надежду на исцеление их душ, а затем возвращает их обратно в кандалах чтобы продолжить работу «по перевоспитанию». Министру очень хотелось изничтожить «порочных» совсем, на корню, а для этого нужно было выйти за рамки демократии, и даже немножко побыть диктатором. А начать с того, чтобы стать президентом. Для этого необходимо из чиновника превратиться в настоящего политика, который с трибун рапортует о своих невероятных успехах и о том, что это всё ещё цветочки по сравнению с тем, что он может сделать, будь у него больше власти.

А успехов то у него как раз то и не было. Как ни парадоксально, всё то, что считается успехом для полицейского чиновника, для политика – только лишь его отсутствие. Круговоротом уголовников в природе никого не удивишь. Для того, чтобы победить на предстоящих выборах любимого народом президента Гонзалеса нужно что-нибудь более существенное. Например, самолично уничтожить наркомафию.

Которой, к слову, тоже нет, на сей раз благодаря общим их с президентом усилиям. Возникшая было надежда на инцидент с макаками, который мог хотя бы создать видимость присутствия в стране наркомафии, тоже растаяла. Рамирес был в отчаянии. Наркомафии не было, а он не мог даже её придумать! Единственное, что его успокаивало, была мысль о том, что и его соперник находился в том же положении, что и он. У Рамиреса было даже преимущество – он, в отличие от Гонзалеса, президентом не был, и его не давило бремя невыполненных обещаний.

И вот теперь, как и двадцать лет назад, появляется мифический русский старикан, точно джин из бутылки, и грозит стереть в прах всё его, Рамиреса, преимущество. Ну где же справедливость?!

Самое время взглянуть на жизнь философски. Ведь всё это – всего лишь навсего идея. Никого не заставишь смотреть на жизнь также, как ты. Даже если ты сожалеешь об этом: взгляд то правильный.

Он, министр Рамирес, многого достиг в жизни своим упорным трудом. Заслужил всеобщий почёт и уважение. Его взгляды разделяет множество человек, у него есть свои последователи, высоко ставящие его авторитет. Что и кому ему теперь нужно в жизни доказывать? Зачем стремиться лезть выше, драться до потери последних зубов чтобы взвалить на себя лишнюю ответственность? Не проще ли удалиться на какую-нибудь тихую прохладную фазенду, писать свои мемуары и смотреть на жизнь философски?

Но вновь противоречивость характера министра неожиданно напомнила о себе. Стоило ему подумать о мирной жизни и мемуарах, как в мозг клином вонзилась другая, совсем противоположная мысль:

«Обо всём этом ты думаешь, потому что ты бессилен что-либо изменить. Зарываешь голову в песок, как страус. А какой-то Гонзалес, который слабее тебя, выиграет партию без боя!»

Вентиляторы за спиной министра принялись усердно жужжать. Они заметили, что тот вновь начал нагреваться и вот-вот шкала допустимой температуры достигнет предела. А тогда... Безусловно, эти двое заслуживали самых почётных государственных наград и достойной пенсии.

– Разрешите, господин министр...

В кабинет робко просочился секретарь министра, молодой, похожий на большую мышь или маленькую крысу, человек. Ему было известно о том, что министр был в приподнятом расположении духа, и потому ему очень не хотелось быть навязчивым. Он вёл себя как ребёнок, который боится спугнуть бабочку. Ведь он так надеялся на увеличение премии сотрудникам! Сверкнувший, как молния, взгляд Рамиреса рассеял его надежды.

– Я вас слушаю, синьор Санчес.

– Вас спрашивает один господин...

Секретарь аккуратно положил на стол перед министром внушительных размеров визитную карточку, напоминающую меню в дорогом ресторане. Золотыми буквами, украшенными витиеватыми вензелями, на ней было вытиснено:

«Синьор Рафаэль Августо Габриэль Базилио Эрнесто де Паскуалес де Аврелио. Дипломат.»

Министр без особого энтузиазма пробежал глазами карточку, и равнодушным голосом спросил:

– Чего ему надо?

– Он говорит, что по личному вопросу.

– Все кому не лень будут отрывать министра от работы! Можно подумать, я здесь целыми днями колю задницей орехи!

Ворчание Рамиреса можно было бы назвать добродушным, потому как ворчал он чисто ради соблюдения приличий. «Все кому не лень» не распространялось здесь на дипломатов, особенно из более развитых экономически стран (то есть, почти всех стран). Наверняка он пришёл улаживать какое-нибудь недоразумение, скорее всего, жаловаться на какого-нибудь полицейского, который загородил своей фигурой туристам красивый пейзаж для фотографий. Рамиресу даже захотелось послушать его, чтобы хоть как-то отвлечься от своих весьма мрачных мыслей.

– Пусть заходит.

Секретарь чинно поклонился и стрелой выскочил из кабинета. В следующий момент вместо него в дверях возник аккуратный, стройный, среднего роста человек, одетый в элегантный светлый костюм с шёлковым шейным платком бордового цвета. На лацкане его пиджака красовалась булавка с крупным изумрудом. Его лицо также напоминало какого-то зверька: маленькая нижняя челюсть, маленькие глазки, слегка оттопыренные уши. Но улыбка, демонстрирующая ряд миниатюрных зубов, наводила на мысль скорее о мангусте или горностае, нежели о мышь или крысе. Что-то от зверька было и в его манере двигаться: плавно, принимая основную нагрузку на стройный и гибкий позвоночник.

Министр едва заметно поморщился: обаяние подобных типов безотказно действует на всех женщин, зелёных юношей и пожилых интеллигентов, а у старых солдат, вроде него, непременно вызывает раздражение.

– Добрый день, сеньор... как мне лучше вас называть?

– Как хотите. Лучше сеньор Паскуалес, Рафаэль Паскуалес. Меня чаще всего называют по моему первому имени.

– Присаживайтесь, сеньор Паскуалес. – Рамирес вежливо указал гостю на стул у приставного столика для совещаний, а сам подумал: «С каким удовольствием я дал бы пинка этому самонадеянному павлину!»

Дипломат протянул свою маленькую наманикюренную ладошку, и министру пришлось её пожать.

– Я очень счастлив познакомиться с вами лично, сеньор министр! Я считаю вас очень харизматичным политиком, и конечно же, одним из самых эффективных борцов с преступностью в истории. Для меня большая часть...

– Господин Паскуалес, давайте опустим это. Я вправду очень польщён.

– Конечно, конечно. Кто лучше нас с вами знает, что время не резиновое? (Эти слова очень не понравились министру, и он с интересом стал ждать продолжения фразы этого изящного наглеца) Но всё дело в том, что я решил добиться вашей аудиенции по личной инициативе, в связи с вопросом, не имеющим отношения к моей дипломатической деятельности.

– Вот как? Неужели вы просто хотели выказать мне своё почтение?

– И это, конечно же, тоже. Но подождите. Послушайте меня до конца, я не отниму у вас очень много времени. Для того, чтобы лучше раскрыть цель моего визита, следует начать издалека...

Рамирес подпёр кулаком щеку и приготовился слушать, подумав:

«Что ж, пой птичка... Всё лучше, чем терзаться бесплодными думами. Если б этот щелкопёр знал, как ему повезло. В другие минуты я бы не удержался и таки дал бы ему пинка...»

– Я принадлежу к обедневшей дворянской семье. Когда-то мои предки владели огромными плантациями табака далеко-далеко отсюда, пока многочисленные революции и перевороты не сломали их благосостояние. Сразу оговорюсь, я не сторонник монархии, колониальной системы и рабовладения. Мои родители были обыкновенными трудовыми людьми, и я был воспитан в большом уважении к рабочим людям, сам трудился с малолетства. Но также мне передали всё лучшее, что может дать аристократическое мировоззрение. В детстве я был чувствительным ребёнком, моей мечтой было помогать всем, кто в этом бы нуждался, будь то бедняк или богатый плантатор, без разбора. Иногда нам всем ведь бывает так нужна чья-нибудь поддержка, к какому социальному статусу мы не принадлежали бы. Потому я хотел бы быть волшебником. Но потом я понял, что это невозможно, и решил избрать дипломатическое поприще. Оно было наиболее близко к моей мечте. И я действительно помогаю всем без разбору, правда, для этого мне нужно было покинуть свою страну и помогать только тем, кто тоже покинул её. Я дарю людям кусочек нашей Родины вдали от неё, и горжусь этим... Но только этого мало. Мне очень хочется оказать помощь человеку, который нуждается в ней. Сделать это почти что безвозмездно, потребовав взамен только только, что ему несложно дать: простое «спасибо». Только для того, чтобы мне самому знать, что я действительно помог...

– Так что же вам мешает?

– Ничего... Я хочу помочь вам, господин министр.

С минуту Рамирес думал, как бы ему лучше среагировать на это заявление. Засмеяться ли, или выпучить глаза, или ударить кулаком по столу и выставить этого всеобщего благодетеля за дверь. А пока Рамирес думал, на его лице не отразилось никакой реакции, и Паскуалес счёл это знаком одобрения.

Наконец Рамирес решил не упражняться в изобретательности, а оставить всё, как есть. Ему даже стало интересно, как именно хочет помочь ему потомок обедневшего, но гордого дворянского рода. Подобный интерес возникает у несуетливого человека, которому гадалка предсказывает будущее.

– По-вашему, я нуждаюсь в помощи?

- Иначе я не стал бы вас отвлекать.
- У меня помощников целое министерство.
- Вам нужна помощь другого рода. Я же говорил, иногда мы все в ней нуждаемся. Независимо от нашего положения и власти.
- А-а, понятно! Вы психолог-любитель? Или экстрасенс?
- К сожалению, нет. Безусловно, я обладаю необычной проницательностью, но она объяснима с материалистической точки зрения. Так же и помощь моя может быть весьма конкретной и ощутимой. Я могу помочь вам достичь того, чего вы хотите так много лет.
- Откуда вам известно, чего я хочу?
- Я же сказал, я обладаю необычной проницательностью.
- Послушайте, по-моему, вы не совсем адекватны. Давайте я по-хорошему предложу вам поискать другого человека, который нуждается в вашей заботе? Например, какого-нибудь гражданина вашей страны?
- Это то само собой... Но... неужели вы не понимаете, о чём я?
- Я прекрасно понимаю, о чём вы. И очень хочу ошибаться. Иначе вы сегодня же в лучшем случае отправитесь на свою Родину, где будете лишены возможности упражняться в человеколюбии, а в худшем отправитесь в место, которое я называю «санаторием». Там, думаю, оценят ваш гуманизм.
- Маленький бескровный рот Паскуалеса вытянулся в прямую линию, а затем он снова выгнулся дугой в обаятельной улыбке, которую называют примирительной.
- Признаюсь, я недооценил вас. Хорошо, я подойду к вопросу с другой стороны. Я стремлюсь помогать не только конкретным людям в единичных случаях. Для меня это хорошо организованное дело. Можно сказать, я создал некий механизм взаимопомощи.
- О котором, конечно же, не известно вашему начальству?
- Я – гражданин мира. И у меня есть определённая идеология. Я считаю, что если все люди в мире будут думать как я, мы сможем избежать многих недоразумений и конфликтов. Тогда мы будем жить в спокойствии и понимании.
- Вы что, хиппи?
- Да подождите же! Не перебивайте! Моё дело – искать людей, которые могут помочь друг другу. Есть люди, которые могут помочь вам. А вы можете помочь им. Я всего лишь посредник, но в этом моя духовная миссия.
- Ну, всё с вами понятно.

Педро Рамирес привык к тому, что он редко ошибался. Так было и на этот раз. Сейчас он явно осознал, что настал один из самых волнительных моментов в его жизни. А именно момент, когда живое воплощение всего того, что он так ненавидел, сидит сейчас перед ним, нагло улыбается и строит из себя милую невинность. До этого его общение с непосредственным противником велось через зарешёченные окна, на чудовищном жаргоне, который не способен понять ни один посторонний человек. Теперь же враг самолично пришёл в его кабинет, протянул ему руку и занял место за столиком напротив, которое обычно занимали его заместители. Он был безукоризненно одет, носил безделушки, стоившие два бюджета страны, и изъяснялся исключительно языком Сервантеса. До него Рамирес общался ну максимум с главарём разбойничьей шайки, каким-нибудь здоровенным громилой, от одного рыка которого его подручные, да и все вокруг, приходили в трепетный ужас. А теперь напротив него сидит человек, статус которого в преступном мире был равен статусу самого Рамиреса в государстве, и продолжает как ни в чём не бывало обворожительно улыбаться.

У Рамиреса возникло острое желание открыть ящик стола, извлечь из него свой пистолет системы Макарова (подарок братскому революционному народу) и всадить пулю прямо в пахнувший дорогим парфюмом лоб борца за мир и понимание во всём мире. Но что-то останавливало его.

– В том то и дело, что всё понятно, – продолжал Паскуалес, начав чертить ногтём какой-то замысловатый узор на полированной крышке приставного столика. – Нам с вами не нужно слов, чтобы понимать друг друга. Вы ведь тоже считаете, что взаимопомощь – единственный путь к спасению мира.

– Ничего я не считаю. Я вообще склонен к тирании и проявлению жестокости. Намёк поняли?

– Я вам не верю. Ваши убеждения по поводу смертной казни ещё ничего не значат. Всё равно очень многим добрым людям хочется, чтобы именно вы стали президентом этой страны. Никто не верит в то, что вы такой жестокий. Если бы вы захотели смягчиться, принять нашу помощь и помочь другим – подумайте, какое бы это было благо для страны!

«Интересно, он debil, или притворяется? – пронеслось в голове министра.

– Ну в конце концов, вам не придётся делать никаких усилий! Чисто символическая поддержка! Мне просто важен сам факт того, что вы со мной, и что вы разделяете мою идею. Ну и немного содействия в рамках ваших полномочий!

– Пошли вон!!!

– Погодите! Погодите! – Паскуалес поднял свои ладони, словно бы защищаясь. – Пожалуйста, не нервничайте. Я не могу смотреть, как люди нервничают. Это же просто преступление против самих себя – нервные клетки погибают и не восстанавливаются! Пощадите себя, пожалуйста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.